

Н. К. Михайловский

<О народной литературе и Н. Н. Златовратском>

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

Наша народная литература (то есть литература, трактующая о народе; литературы *для* народа у нас никогда не существовало и не существует до сих пор) расширяется все более и более. К сожалению, это расширение гораздо более количественное, нежели качественное. В сфере народной беллетристики действовали и действуют люди очень разнообразных талантов, разнообразных не только по силе, по размерам, но и по складу, по характеру; но за всем тем та общая точка зрения, с которой наши народные писатели смотрят на народную жизнь, в огромном большинстве случаев приблизительно одна и та же. Со времен "Записок охотника" общая тенденция всех наших сколько-нибудь замечательных писателей о народе состояла в нравственной реабилитации его в глазах образованного общества, в стремлении доказать, что мужик -- не только человек, которому ничто человеческое не чуждо, но что в нравственном отношении он и чище, и крепче, и надежнее людей привилегированных классов. (Перерыв 60-х годов, представляемый особенно г. Н. Успенским, в счет не идет, как по его краткости, так и по внутренней незначительности. Это был только задаток.) Тенденция, бесспорно, превосходная, не только чрезвычайно гуманная, но и глубоко правдивая. Тем не менее крайняя односторонность ее бросается в глаза. "Правда" этой тенденции -- не та безотносительная правда, которая заключает в себе все внутреннее содержание данного явления, но лишь та, которой синоним -- своевременность, уместность, жизненность, -- правда, одним словом, не теоретическая, а практическая. Крепостное право и все те привычки, нравы и понятия, которые обуславливались им, до такой степени -- скажем сравнением Мальтуса -- перегнули лук в одну сторону, что для его выпрямления необходимы были самые напряженные усилия литературы. Цель эта может, кажется, в настоящее время считаться достигнутой и даже более того. В самом деле, ведь теперь о специальных достоинствах белой дворянской косточки говорят только те, которые "срама не имеют", да и эти мертвецы литературы часто бывают вынуждены силой обстоятельств жадно пить из того колодца, в который они только что с ожесточением плевали; с другой стороны, мистические уверения а la Достоевский в том, что русский народ изображает собою какого-то нового Израиля, от которого -- дай срок -- и нечестивые агаряне вострепещут и "островитяне восплачут", смешат или шокируют далеко не всех. Такое положение дел ясно указывает, по нашему мнению, что наше уважение к народу, наша вера в него, в его силы и в его будущность при всей своей симпатичности не имеет прочных оснований настолько, насколько это требуется важностью предмета. Мы знакомы с народом гораздо более со стороны его достоинств, нежели со стороны его недостатков, а такое знакомство -- меньшая половина дела; в большинстве случаев знание препятствий полезнее и важнее знания благоприятствующих факторов. Между тем, ведь даже априорным путем слишком нетрудно сообразить, что беспримерно тяжелые исторические условия жизни нашего народа должны были произвести в нем те или другие нравственные изъяны, с которыми рано или поздно нам придется считаться и игнорировать которые поэтому -- не только ошибка, но и преступление. Пророчествовать, фразерствовать и кликушествовать очень легко, но ведь действительности этим не скрасишь. Ни наше прошлое, ни наше настоящее не гарантирует нам будущего *фатально*. Жизнь усложняется, люди ухищряются, средства опутывать, оплетать и деморализовать становятся утонченнее, формы "прижимки" разнообразнее, и если мы, живя, так сказать, "в стороне от большого света", выдержали с грехом пополам незамысловатые искусства домашнего производства, то, конечно, это еще нисколько не предвещает вопроса о результатах, имеющих появиться, когда -- скажем выражением, не нам принадлежащим, -- этика русского холопства будет оплодотворена логикой западного прилавка. Нарождающийся мещанин пострашнее выродившегося барина, и где оказалась бессильна дубина, там легко может сделать свое пакостное дело полтина.

Правильны или неправильны по существу все эти и подобные им сомнения и опасения, суть дела в том, что они, во всяком случае, имеют свой *raison d'être* {основания (*франц.*)}. Очень приятно, если все идет к лучшему в лучшей из стран; отрадно, если народ, загнанный силою обстоятельств на задний двор истории, каким-то чудом остался совершенно чист от затянувшей его тины и грязи; но это, во всяком случае, нуждается в подтверждениях более солидных, чем те, которые мы находим в нашей литературе.